

Вэй Чэн, прижимая к себе Горшочка, прошел еще пару шагов и увидел деревенских кумушек с корзинами на сгибах локтей. Те, сгрудившись неподалеку от дома Цинь-ши, оживленно перешептывались, то и дело тыча пальцами в сторону ворот.

— Слыхали? Говорят, этот Богач Сун в городском игорном доме долгов наделал — тьма тьмушая. Кредиторы уже и порог обивать начали. А это что же, кровь? Ох и жуть, до чего людей довели...

— Да кто ж не слышал? Позавчера ночью такой грохот стоял! Четверо или пятеро здоровенных вышибал ворота чуть с петлями не вынесли. Я сама слышала, как они орали: дескать, если до конца месяца серебро не вернет, пустят красного петуха — сожгут поместье дотла!

— Грех-то какой... А еще сказывают, — одна из женщин понизила голос, — что этот богач Сун с Цинь-ши еще при живой жене спутался. Неспроста ведь первая супруга еще остыть не успела, как он эту приживалку в дом полноправной хозяйкой ввел. Хорошо еще, родня покойной вовремя спохватилась, забрали к себе и мальчишку-гээр, и девчушку. Уж они-то знали: мачеха жизни им не даст. Она ведь ради корысти и от собственного сына родного отреклась...

— Теперь-то они и носа на улицу не кажут. Поговаривают, даже батраков да прислугу всех разогнали — платить-то нечем. Кто ж на них за спасибо горбатиться станет?

Вэй Чэну волей-неволей пришлось выслушать эти грязные сплетни, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Сделав вид, что ничего не заметил, он ускорил шаг, стараясь поскорее миновать ворота семьи Сун.

Вернувшись домой, малыш, сияя от восторга, первым делом бросился показывать своего цыпленка Синьэру. Вэй Чэн тем временем принялся разбирать ивовую корзину с остальными пушистыми новоселами.

Хоть на улице и потеплело, горные ветры всё еще оставались колючими. Выпускать такую мелюзгу во двор было нельзя, поэтому днем корзину ставили поближе к печи, а на ночь планировали переставлять на теплый кан.

Устроив пищашее и любопытное воинство, Вэй Чэн отправился во двор. Еще пару дней назад он заготовил тонкие кольца и заострил их с одной стороны. Земля уже достаточно оттаяла, так что работа спорилась: вскоре неподалеку от хижины вырос аккуратный заборчик. Когда цыплята подрастут, юноша собирался натянуть сверху мелкую сетку, чтобы птица не разлетелась.

Вэй Чэн до сих пор помнил того задиристого петуха, которого держали в доме Цинь-ши. Тот вечно норовил перемахнуть через ограду, и его раз за разом ловили и возвращали. Но стоило хозяевам лишь однажды зазеваться, как птица исчезла бесследно. Соседи в один голос твердили, что ничего не видели, но стоило семье Цинь прекратить поиски, как из хижины бедняка в соседнем дворе потянуло аппетитным ароматом вареной курятины. Старую госпожу Цинь тогда чуть удар не хватил от злости.

В деревне закон был прост: если скотина потерялась и ее подобрал чужой — пиши пропало, никто не вернет. А значит, нужно было держать ухо востро.

Раз появились куры, понадобится много корма: отруби и свежая трава. Отруби купить не проблема, а вот за сочной зеленью придется каждый день ходить в горы.

Закончив с оградой, Вэй Чэн прикинул время — до сумерек было еще далеко. Он решил сходить на склон, набрать травы для птицы и заодно поискать свежих дикоросов — нежных и сладких весенних трав. Тесто он уже поставил подходить, так как к ужину хотел напечь паровых булочек с зеленью.

Омыв руки у лохани, он крикнул в сторону дома:

— Горшочек, иди сюда! К брату!

Тишина. Вэй Чэн позвал снова, но малыш не отозвался. Удивленный, юноша обошел хижину и замер, увидев забавную картину: «трое сорванцов» всю резвились на первой изумрудной траве.

Ярко-желтый цыпленок бесстрашно прыгал по Горшочку, а рядом Синьэр — заметно подросший черный волчонок — азартно гонялся за птицей, хлопающей крошечными крыльями. Волчонок забавно припадал на передние лапы, делая вид, что нападает, но при этом всю вилял хвостом. В разгаре игры он не забывал тыкаться мягким пушистым брюхом в лицо крохи, отчего тот заливался звонким смехом, прижимая к груди маленькие ладошки.

Вэй Чэн не стал им мешать. Он стоял поодаль, с улыбкой наблюдая за этой кутерьмой.

Но вот ребенок поднялся с земли. Одной рукой он бережно прижал к себе цыпленка, а другой, натужно кряхтя, попытался обхватить поперек живота тяжелого для него волчонка.

— Горшочек пойдет... брата искать.

Вэй Чэн подал голос:

— Горшочек, брат здесь.

— Братец!

Малыш радостно припустил к нему. Вэй Чэн подхватил Синъэра, оценивая его вес:

— И впрямь раздобрел.

Сейчас Синъэр уже мало походил на того беспомощного щенка, которого они нашли в лесу. Тогда он казался крохотным лишь от голода и холода. За четыре-пять месяцев сытой жизни волчонок окреп и начал обретать ту статную уверенность, что присуща его лесному роду.

— Относи цыпленка в дом, — скомандовал Вэй Чэн. — Возьмем Синъэра и сходим в горы за травами.

Едва услышав про горы, мальчик даже не стал спорить. Он быстро посадил цыпленка в пищащую корзину и вцепился в руку брата:

— В горы! В горы!

— Горшочек! Ты так просто бросил своего любимца в общую кучу? Как же ты его потом найдешь? — Вэй Чэн заглянул в корзину, где в пушистом колышущемся море невозможно было отличить одного птенца от другого.

— Вот этот! — маленькая ручка уверенно ткнула в самую гущу.

Вэй Чэн изумился:

— Неужто узнал?

Ребенок ткнул снова, но уже совсем в другое место:

— Вот... вот же он!

Малыш был тем еще путаником.

Вэй Чэн с усмешкой потрепал его по щеке:

— Ладно, идем скорее.

В эту пору многие в деревне ходили в горы за первыми дикоросами. К маю народу станет еще больше — начнется сезон папоротника и аралии. Эти травы можно не только выгодно продать

в городе, но и засушить впрок. В этом году Вэй Чэн твердо намерен был забить кладовую до отказа.

Обычные сельчане не решались заходить далеко, крутились лишь на пологих склонах. Что таится в лесной чаще, никто не знал, и, кроме охотников да самых отчаянных мужиков, туда соваться не рисковали.

Вэй Чэн нес большой заплечный короб, у Горшочка за спиной болтался коробок поменьше, а угольно-черный Синьэр деловито трусил следом. Вскоре впереди показались люди.

— Ой, братец Чэн и малютка тоже за травами вышли? — раздался голос одной из женщин. — А вы хоть знаете, какие брать-то? Смотрите, не наберите отравы какой. Может, помочь вам? Да не стесняйтесь, идите к нам, я поделюсь, коли мало накопаете. Мы же из одной деревни, свои люди!

С тех пор как в первый день нового года к ним нагрянули стражники с наградой, отношение сельчан разительно переменялось. Но за этой приторной любезностью скрывалось столько фальши, что даже мальчик недовольно ворчал, что они ему не нравятся.

— Спасибо, тетушка, — спокойно ответил Вэй Чэн. — Я в травах толк знаю, так что себе оставьте.

Стоило братьям отойти подальше, как одна из девушек усмехнулась:

— Тетушка Лю, вы же только что божились, что свою зелень никому не отдадите. Чего ж это вы так перед Вэй Чэном расстилались?

Тетка Лю со стуком бросила корзину на землю, делая вид, что не расслышала.

Стоящий рядом гээр прыснул:

— Да чего тут непонятного? Всё из-за тех двадцати лянов! Слыхали, сколько народу после праздников к старосте бегало? Всё хотели мальчика на воспитание взять, чтоб у Вэй Чэна те десять лянов выманить. Самих братьев и не спрашивали, сразу к старосте. Так он их всех взащей вытолкал! Сказал, что серебро Вэй Чэна у него под присмотром, и кто сунется воровать — пусть сразу к нему в дом лезет, там и поговорим!

— Что ни говори, а двадцать лянов — куш знатный, у любого слюнки потекут...

— И не говори! Слышала, Ван Чжуанцзы с женой локти кусают от досады. Теперь при каждом встречном причитают, как по ребеночку соскучились. Тьфу, слушать тошно...

Вэй Чэн и Горшочек об этих интригах и ведать не ведали. За короткое время они набили корзины травой для кур, и теперь юноша учил брата распознавать съедобные дикоросы:

— Смотри, листики у этой травы расходятся как лепестки лотоса. Края резные, но на ощупь мягкие, не колются. Видишь? Сок у нее белый, как молоко. Сейчас она самая вкусная и нежная, а как подрастет — станет горькой и жесткой, не прожуеть.

Тот серьезно кивнул:

— Горшочек... понял.

Он крепче перехватил маленькую лопатку и осторожно ткнул в землю. С первого раза не вышло, но во второй он поднажал — и вывернул сочное растение вместе с комом земли. От усердия малыш не удержался на ногах и плюхнулся на попу. На мгновение его глаза округлились от неожиданности, но он тут же вскинул лопатку:

— Братец, смотри! Травка!

Вэй Чэн поспешил поднять брата, а Синьэр уже деловито обнюхивал Горшочка и лапой смахивал грязь с его штанишек.

— Молодец! — рассмеялся юноша. — Первую травку Горшочек нашел. Как вернемся и напечем булочек — ты первый пробу снимешь!

Ребенок приободрился. Еще не успев толком отряхнуться, он принялся за следующее растение, а выкопав его, с гордостью обернулся:

— Братец, гляди на Горшочка!

— Ай да молодец! — Вэй Чэн забрал добычу, отряхнул землю и положил в корзинку брата. — Только не торопись, не ровен час поскользнешься.

— Ладно! — малыш, согнувшись в три погибели, всю орудовал лопаткой. Земля летела во все стороны, изрядно присыпая Синьэра, который преданно крутился у него за спиной.

— Братец Чэн!

Вэй Чэн обернулся и увидел семью травника — лекаря Цяо, Мо-фулана и их сына. Братец Хуань, окликнув юношу, тут же подхватил свою корзинку и побежал к Горшочку.

Лекарь Цяо проговорил:

— Вот и славно, что встретились. Я как раз хотел к вам вечером заглянуть, дело есть одно.

— Слушаю вас, дядюшка Цяо.

— Через пару дней мы с лекарями из соседних деревень, стариком Мэном и охотниками из других селений уходим на гору Маоси. Хотим женьшень поискать. Пробудем там декаду, а может и больше. Я ведь обещал обучить тебя счету, да вот беда — дела всё откладываются. Слышал я, ты весной в школу Хуэйлинь собираешься грамоте учиться? Так вот, у моего батюшки есть добрый приятель, живет он как раз на соседней со школой улице. Он старый ученик, в счете на абаке большой мастер. Я и сам у него в детстве науке этой учился. Я уже переговорил с ним и подарок занес, так что, как время придет, ступай прямо к нему.

Вэй Чэн поспешил ответить:

— Дядюшка Цяо, я и так вам безмерно благодарен. Мог бы и подождать вашего возвращения. А вы мало того что за меня попросили, так еще и к своему учителю направили... Это мне следовало бы подношение готовить, а не вам.

— Ученье ждать не любит, — вздохнул лекарь. — Я бы и сам тебя обучил, да в начале года с этим Залом Цяньчжи в городе не поладил. Подсунули они мне негодный товар, а как я указал — так еще и меня же вором выставили, дескать, нажиться на них хотел. Теперь другие аптеки, что с ними в доле, мои травы брать отказываются. Вот и решил я в горы идти, женьшень искать. Посмотрим тогда, как они запоют!

Вэй Чэн задумался на мгновение:

— Дядюшка, а вы про Зал Цзиминь слышали?

— Знаю, лавка небольшая. Мой отец всегда дела только с Цяньчжи вел — платили они щедро и в товаре сильно не привередничали. Десятки лет с ними торговали... Кто ж знал, что с новым управляющим такая беда приключится.

Вэй Чэн уверенно произнес:

— Если доверитесь моему слову, в следующий раз несите травы в Зал Цзиминь. Управляющий там человек честный и добрый, обвешивать да обсчитывать не станет.

Лекарь Цяо призадумался:

— Что ж, ладно. Как вернусь из гор, так в Цзиминь и загляну.

Пока Вэй Чэн беседовал с лекарем и Мо-фуланом, кроха, завидев рядом Братца Хуаня,

принялся работать лопаткой еще усерднее.

Хуань выкопал несколько корешков, вытер лицо расшитым платком и, заметив на щеке Горшочка черное пятно земли, застенчиво протянул руку, желая помочь. Но мальчика вдруг резко подало вперед. Его черные глаза победно сверкнули:

— Эта травка... Горшочка!

Рука Хуаня с платком так и застыла в воздухе. Он вспыхнул от смущения и обиды:

— Ты... ты что же это...

Мальчик важно задрал носик:

— Даже если разрыдаешься, Горшочек... всё равно не отдаст!

<http://bllate.org/book/15346/1373398>